

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/93/5

**«Дюжина сказок» и «Ракеты»:
специфика сказок революционера-народника
Ф. В. Волховского**

Александр Евгеньевич Мазуров

Томский государственный университет
Томск, Россия

rumatamonteg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0588-8905>

Аннотация

Сказка занимает важное место в творчестве революционера-народника Ф. В. Волховского (1846–1914) в годы сибирской ссылки и эмиграции. Публицист писал как произведения, рассчитанные на детей (сборник «Дюжина сказок», 1908), так и сказки для взрослых («Ракеты», 1913). В статье анализируется содержательная специфика произведений, основные мотивы, а также принцип формирования ансамблей. Основным стержнем сборников является мотив борьбы за справедливость, при этом детские произведения связаны с традиционным дидактическим содержанием, отражающим общечеловеческие ценности; произведения для взрослых через обращение к сатире вскрывают проблемы общественно-политического строя, транслируют народнические идеологемы.

Ключевые слова

Ф. В. Волховский, сказки, сборники сказок, «Дюжина сказок», «Ракеты», народничество, Иван Брут, сатира, «Сибирская газета»

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Томского государственного университета «Сибирика. Актуализация локального сибирского текста и творческого наследия дореволюционных писателей Сибири» по гранту Российского научного фонда № 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

Для цитирования

Мазуров А. Е. «Дюжина сказок» и «Ракеты»: специфика сказок революционера-народника Ф. В. Волховского // Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 69–81. DOI 10.17223/18137083/93/5

© Мазуров А. Е., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 4. С. 69–81
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 4, pp. 69–81

**“Dyuzhina skazok” and “Rakety”:
The specific nature of the tales of the revolutionary populist
Felix Volkhovsky**

Alexandr E. Mazurov

Tomsk State University
Tomsk, Russian Federation

rumatamonteg@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0588-8905>

Abstract

The fairy tale, a significant genre in nineteenth-century Russian literature, reflected a burgeoning literary fascination with fantastic plots. Through allegories and allusions, these plots facilitated the unveiling of ideas that could not be explicitly stated. In the latter half of the nineteenth century, literary fairy tales took on satirical and agitational characteristics in response to a growing discontent with the social and political system. The fairy tale genre held considerable significance in the writings of the revolutionary populist Felix Volkhovsky (1846–1913). These fairy tales were primarily written during periods of Siberian exile and emigration. This research focuses on the content, key motifs, and compositional strategies of the fairy tales featured in the collections “Dyuzhina skazok” (tales for children, 1908) and “Rakety” (“tales for children of mature age,” 1913). The publicist created artistic worlds and images that alluded to the current socio-political system and its associated issues, addressing injustice, including the flaws of capitalism, and advocating for the eradication of social evil. The creation of collections relied on the synthesis of varied works, which, when mentally segmented, highlight distinct arguments and central themes. At the heart of these collections is the theme of fighting for justice. Children’s pieces feature classic educational themes and universal values, while adult works use satire to expose the issues within the socio-political structure.

Keywords

Felix Volkhovsky, fairy tales, books of fairy tales, “Dyuzhina skazok,” “Rakety,” populism, Ivan Brut, satire, “Sibirskaya gazeta”

Acknowledgments

The study was conducted within the framework of the Tomsk State University project “Siberia. Actualization of the local Siberian text and the creative heritage of pre-revolutionary writers of Siberia” supported by the Russian Science Foundation Grant no. 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

For citation

Mazurov A. E. “Dyuzhina skazok” and “Rakety”: the specific nature of the tales of the revolutionary populist Felix Volkhovsky. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 4, pp. 69–81. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/93/5

Сказка была одним из ключевых жанров отечественной литературы XIX в. Обращение к вымыслу позволяло с помощью аллегорий и аллюзий раскрыть тезисы, которые невозможно было заявить напрямую. Во второй половине XIX в. литературные сказки на фоне растущего недовольства общественно-политическим строем приобретали сатирическое и агитационное звучание [Леонова, 1982]. Именно сказка становилась одной из форм агитации революционеров-народников. Авторы видели в произведениях способ показать читателям несправедливость общественно-политического строя [Чернова, 1978]. При этом творческое наследие народников, содержащее богатый материал для изучения литературной сказки, несправедливо остается забытым исследователями.

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2025. № 4

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 4

Ф. В. Волховский (1846–1914) – один из таких забытых авторов, деятель революционного движения, поэт-народник. В 1878 г. за вступление в противозаконное общество и попытку побега был осужден по «процессу 193-х» и приговорен к ссылке в Сибирь [Рощевская, 1966]. В 1882 г. Волховский перебрался в Томск, где стал одним из ключевых сотрудников «Сибирской газеты» (1881–1888), а в конечном счете – «негласным» редактором. Публицист выступал как автор сказок, стихотворений, фельетонов, театральных рецензий [Жилякова, 2002]. По воспоминаниям издателя П. И. Макушина, именно за счет остроумных фельетонов «Ивана Брута» (один из псевдонимов Волховского) оппозиционная газета быстро снискала себе массу читателей, а также врагов со стороны местной администрации и «благонамеренных» людей [Сибирская газета..., 2004. с. 32]. После побега из ссылки (в 1889 г. Волховский достиг берегов Канады) публицист выступал одним из идеологов «Общества друзей русской свободы» в Лондоне, издавал агитационные брошюры, редактировал журнал «Free Russia».

Сказки Волховского были написаны преимущественно в годы сибирской ссылки, а также в период эмиграции. Два фельетона, опубликованных в «Сибирской газете» – «С новым годом!» (СГ. 1883. № 1) и «Ночь на новый год» (СГ. 1884. № 1), вошли в сборник «сказок для детей совершенного возраста» «Ракеты», изданный в 1913 г. в Париже. В состав сборника также вошли произведения, опубликованные публицистом в изданиях «Солдатская газета» (1906–1907) и «За народ!» (1907–1914). Помимо сотрудничества с «Сибирской газетой», в годы ссылки Волховский публиковал свои произведения в столичных изданиях, в частности в 1884–1888 гг. в журнале «Родник» (1882–1917) вышли сказки и «малорусские побасенки» [Ямпольский, 1971, с. 186]. В дальнейшем эти произведения стали частью сборника «Шесть сказок» (1888) и его расширенной версии – «Дюжина сказок» (1908).

Цель настоящего исследования – выявить специфику произведений публициста в сборниках «Дюжина сказок» и «Ракеты»: их содержательные особенности, основные мотивы, а также сам принцип формирования ансамблей. Основными методами исследования являются содержательный и сравнительный анализ, метод описательной поэтики, метатекстуальный подход и метод социологии литературы.

Исследователи довольно часто обращались к творчеству Ф. В. Волховского (см.: [Рощевская, 1966; Ямпольский, 1971]). В основном научные труды сфокусированы на рассмотрении произведений периода сибирской ссылки, опубликованных в «Сибирской газете» (см.: [Жилякова, 2008; Мазуров, 2022; Круссер, 1978; Рощевская, 1975]). Также анализировались и конкретные фельетонные циклы, народнические и областнические идеологемы (например: [Мазуров, 2020]).

Сборник Волховского «**Дюжина сказок**» (1908, Москва) включает в себя следующие произведения: «Страшный разбойник», «Сон», «Фарфоровая чашка», «Серко», «Придворная история», «Винтик», «Овечка и козлик», «Лесная помещица», «Солнце», «Ошибка старого меча», «Как петушок Красный-Гребешок за правду постоял», «Как все эти сказки появились на свет Божий». Сказки «Фарфоровая чашка» (1884, № 12), «Сон» (1886, № 12), а также «малорусские побасенки» «Серко» (1886, № 3) и «Овечка и козлик» (1888, № 3) изначально были опублико-

ваны в ежемесячном журнале «Родник» (1882–1917). Публицист посвящал «Дюжину сказок» своим дочерям: «моим милым девочкам: Соне, Вере и Кате»¹.

Сказки разнообразны как по тематике, так и по форме. Первое произведение – «Страшный разбойник» – погружает читателя в историю Германии рубежа XVI–XVII вв. Местом действия становится Тюрингенский лес, главным героем – разбойник Шиндерганс. Произведение отражает аккультурацию, характерную для многих сказок, – совмещение западноевропейских и отечественных традиций, «избушек на курьих ножках» и «ландскнехтов». Представляя главного героя, автор приводит перевод составных частей имени с немецкого языка: «по-нашему сказать “Иван Живодер”». Прообразом главного героя в сказке служил реально существовавший разбойник Йоханнес Бюклер, который грабил купцов и получил прозвище Schinderhannes.

Фабула почти оторвана от реальной исторической фигуры, построена на пробуждении в главном герое, который «никого не боялся и ничего не стыдился», человечности, демонстрации изменений, вызванных в нем любовью к дочери эйзенахского купца Минне. После убийства ее отца Шиндерганс отправился на поиск живой воды и прошел различные испытания: пожертвовал лоскутами кожи, рукой, глазом, мучился от жажды. В итоге, набрав живой воды, он воскресил отца с дочерью. Стоит отметить, что мотив переплетается с перерождением самого разбойника. Уже после второго испытания главный герой теряет приставку к имени «живодер», Волховский называет его Гансом.

Аналогичный мотив поиска и раскрытия себя через «другого» находит отражение и в сказке «Фарфоровая чашка». В произведении Волховский вводит онтологические мотивы, довольно подробно описывает появление чашки из комочка глины, рассыпание на осколки и возвращение к жизни после ремонта. Проходя через череду страданий, чашка постоянно задавалась вопросом о смысле существования, жалела себя и зывала к смерти. Сознает свою ценность она лишь в руках маленькой болеющей девочки Машуты, которая живет в «притоне нищеты».

Волховский таким образом выражал мысль о несостоятельности эгоцентричного мировоззрения. Замкнутая в собственных злоключениях чашка осознает, что есть много людей, живущих в более страшных условиях, и именно помогая Машуте (девочка согласилась принимать лекарство только из чашки), она становится счастливой. В произведении Волховский также вводит противопоставление двух миров – дома богатой семьи и «притона нищеты», где живет Машута. Образ болеющей девочки, которая не видела ничего красивее фарфоровой чашки, контрастирует с нарядной сверстницей, которая, прибежав из сада, обожглась и разбила подаренную ей вещь.

В сказке «Сон» публицист создает картину семейного счастья – произведение представляет собой своеобразную «колыбельную», сюжет которой выстраивается вокруг погружения главного героя в сон. В статичном действии Волховский рисует подвиг маленького мальчика Васи, который, несмотря на свой страх, готов был остаться один в темноте, чтобы мама сходила в театр. В произведении проявляется

¹ В сибирской ссылке Волховский жил с дочерью от первого брака, Софьей, и детьми от второго брака, Верой и Катей. В 1886 г. жена публициста, А. С. Волховская (Хоржевская), застрелилась, а в 1889 г. умерла его младшая, трехлетняя дочь Катя. Это происходило на фоне закрытия «Сибирской газеты». Решившись на побег, Волховский к концу 1889 г. достиг берегов Канады. Позже его дочь Веру, которой было около 9 лет, переодетую мальчиком, помогли перевезти в Лондон почти через всю Россию и Европу. Софья Волховская, которой на момент эмиграции отца было 16 лет, осталась в России.

ся интертекстуальность, характерная для фельетонного творчества публициста периода сибирской ссылки, – сама фабула выстраивается вокруг разных снов и картин, которые главному герою показывают старички «в коротенькой курточке из красных лепестков мака и в таких же панталончиках». Характер самих вкраплений разнообразен: стихотворение о комаре, желающем съесть человека; сюжет о мальчике-подмастерье, спасенном Васей от телесного наказания. Таким образом, в произведении создавалась параллель между подвигом мальчика во сне и помощью подмастерья и матери в реальности. Сказка представляет собой высказывание о необходимости помощи другим.

Сказки, связанные с тезисом о необходимости жить в ориентации на «другого» («Страшный разбойник», «Сон», «Фарфоровая чашка», «Серко»), в дальнейшем сменяются сюжетами, посвященными поискам смысла жизни и собственного идеала. Сказка «Придворная история» типологически близка к фельетонному, сатирическому наследию публициста. Главным героем становится негативный персонаж, являющийся, в отличие от «страшного разбойника», статичным образом, лишенным развития. Произведение демонстрировало извращенную систему ценностей, путь следования ложным идеалам. Молодой придворный чувствовал себя несчастным, так как был лишен внимания королевской четы. Перед встречей с королевой он проснулся с прыщом на носу, что стало для него настоящей трагедией. Публицист прибегал к гротеску, демонстрируя бессмысленные попытки снисказать снисхождении правителей.

Стоит отметить, что Волховский завершал путь героя отсылкой к гоголевской традиции: придворный проснулся без носа, но, зная тягу короля к оригинальности, явился ко двору и был отправлен в темницу. Таким образом, вслед за Н. В. Гоголем писатель демонстрировал одержимость общества внешними, ни на что не влияющими признаками. В тюрьме придворному был вынесен окончательный приговор: главный герой позвал фею, прося о превращении в мотылька, и получил ответ, что может стать тем, чем является на самом деле. Превратившись в пузырь, он лопнул, а его исчезновение осталось незамеченным.

Публицист поднимал в сборнике и другую важную для творчества Гоголя тему маленького человека. В сказке «Винтик» автор создавал образ часовой мастерской: вещный мир приобретал коннотации социальной реальности с описанием людей как части чего-то целого. Таким образом, сказка повторяла онтологические мотивы «Фарфоровой чашки», но фокусировалась на иной проблематике. В окружении часов и больших шестеренок главный герой произведения, маленький винтик, чувствовал себя глубоко несчастным, не понимая предназначения. Ответ на вопрос был найден винтиком после его потери сыном часовщика, в ходе продолжительных поисков он все-таки стал частью механизма. Таким образом, публицист раскрывал взгляды на общество, где, становясь частью целого, каждый приносит пользу.

Три произведения публициста, завершающие сборник, – «Лесная помещица», «Солнце» и «Как петушок Красный-Гребешок за правду постоял» – наиболее полно раскрывали народнические идеологемы. Несмотря на острое социальное звучание и период реакции, два произведения («Лесная помещица» и «Как петушок Красный-Гребешок за правду постоял») были опубликованы в 1888 г. в издании «Шесть сказок» журнала «Русская мысль». Вероятно, автор понимал, что детские произведения подвергались меньшему цензурному вмешательству, чем публикации в общественно-политических изданиях, в частности за счет обраще-

ния к фантастическим сюжетам, а также отсутствия «контекста» – новостных и аналитических публикаций.

Сказка «Лесная помещица» представляет собой разоблачение несостоятельности эгоцентричной позиции птицы-кедровки, готовой отказаться от всего леса, лишь бы получить опушку собственным кедром. Автор конструировал социалистическую идиллию – мир, в котором сообща живут птицы, разделяющие друг с другом богатства леса, и лишь кедровка вместе с семейством представлена выбивающейся из данного окружения. Птица охарактеризована Волховским как «лесная помещица»: «Повелось у вас, пташки почтенные, сообща жить и все общим считать. Это – как вам угодно, а мы так не можем» (Волховский, 1908, с. 98).

Полностью отделившись от «социума», других птиц, семейство кедровок погибает на своей опушке из-за пожара, так и не дождавшись помощи. Волховский критиковал «помещичьи» взгляды на жизнь, деление мира на «свое» и «чужое». Сказка во многом является переосмыслением произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина «Дикий помещик», где раскрывается деградация дворянина, который остался один, без мужиков. Произведение Волховского выводит проблему на иной уровень: в образе кедровки в притчевой форме раскрывается, как жадность и тяга к собственности ведут к разделению, сегментации общества, а также подводятся итоги данного пути.

Аналогичные установки раскрывались Волховским и в сказке «Солнце». Сюжет выстраивается вокруг развенчания ошибочного представления о несправедливости мира, где лишь некоторым цветам, и так не обделенным вниманием в роскошном цветнике перед помещичьим домом розам и георгинам, доставался солнечный свет, в то время как фиалки, пуговки и маргаритки вынуждены вечно находиться в тени. Рассказывая историю цветов у помещичьего дома, публицист ориентировал читателя на существующую социальную несправедливость, – разные права и условия жизни людей. Сказка представляет собой аллегорию, вскрывающую актуальные общественные проблемы, – данный прием является ключевым для художественно-публицистического наследия автора.

В сказке находят раскрытие тезисы публициста о необходимости консолидации общества, жизни в ориентации на другого человека: «Если моя судьба – прожить весь век в тени, во всяком случае я могу быть счастливой, глядя на счастье других» (Волховский, 1908, с. 109). Показательно, что именно после данной фразы пуговки происходит утверждение справедливости и равенства как закона мироздания – солнце начинает двигаться по небосводу, переставая освещать цветник. Солнце в произведении становится символом благ и их неравного распределения в обществе. Волховский раскрывал разное отношение полевых цветов к жизни в тени, создавая своеобразные типы, характерные для общества после громких политических процессов: пуговка призывала к борьбе; нерешительная маргаритка сомневалась в возможности перемен, а фиалка была убеждена в тщетности поисков правды.

В произведении «Как петушок Красный-Гребешок за правду постоял» Волховский реконструировал борьбу за справедливость. Фабула выстраивается вокруг одного из примеров: пан Иосиф Подляский забрал жернов у крестьянина Стахи Когутки, а петушок решил его вернуть. Волховский как бы продолжал раскрывать тезисы, заявленные в «Сибирской газете» и опровергающие принцип «непротивления злу насилием». Несмотря на протест матери, петушок, пройдя через ряд злоключений, добывается своего и торжественно восклицает: «Кукареку! Пан

отдал назад крестьянский жернов!» (Волховский, 1908, с. 134). Суть сказки, таким образом, сводится к призыву отстаивать свои права как единственному способу добиться справедливости.

Стоит отметить, что литературные сказки Волховского содержат традиционные, фольклорные приемы: неопределенное время и место действия, антропоморфизм, повторы и отступления, отражение психологизма через внешние признаки. Такие фрагменты отсылают к жанровым традициям; при этом произведения не были связаны с народной сказкой, существовали в отрыве от нее как полноценные художественные высказывания. В произведениях Волховского перемешиваются традиционные, дидактические установки, рассчитанные на детей, и народнические, агитационные сюжеты. В детских сказках народнические тезисы отходят на второй план, уступая место утверждению общечеловеческих ценностей. Публицист отмечал, что вложил в сказки свою душу, которая, «входя в общение с маленькими душами его читателей, наполняла их восторгом или заставляла желать восстановления справедливости» (Волховский, 1908, с. 140).

Сборник «сказок для детей совершенного возраста» «**Ракеты**» (Париж, 1913) включает десять произведений. В обращении «К другу-читателю» Волховский отмечал, что сказки написаны в разное время. Так, первая половина сказки «На грани лет» была опубликована как новогодний фельетон в «Сибирской газете» под заголовком «С новым годом!» (СГ. 1883. № 1); в газете также опубликована сказка «Ночь на новый год» (СГ. 1884. № 1). «Сказка о солдатской душе» и «Сказка о войне» опубликованы в 1907 г. в «Солдатской газете» (1906–1907), «Казак Удалая-Голова» – в журнале эсеров «За народ!» (1907–1914). «Большой человек» и «Королевский тигр» были напечатаны в сборнике впервые. Остальные произведения – «Вылеченный принц», «Сказание о царе немилостивом» и «Сказка о том, как мужик у всех в долгу остался» – опубликованы «во время господства “явочного порядка”»: первая – изначально в России, другие – за рубежом. Вероятно, под «явочным порядком» публицист имел в виду возможность издавать книги без предварительной цензуры в 1905–1906 гг.

Во вступлении Волховский обозначил сатирическую направленность сборника, отметив, что о серьезных вещах необязательно говорить, «нахмурился лоб, наморщивши чело». Публицист считал, что смех «освежает душу, дает бодрость в бою и оказывает особенно ценные услуги людям, которых внутренняя, нравственная победа нередко облекается в форму внешнего, материального поражения!» (Волховский, 1913, с. 2).

Первая сказка в сборнике, которая была опубликована ранее на страницах «Сибирской газеты» (СГ. 1883. № 1), – «На грани лет» – представляет собой фантазмагорию и осмысление сюжета гоголевского «Вия», на что намекает происхождение литературной маски – «коренного сибиряка» Ивана Брута от внука брата героя гоголевского «Вия». В фельетоне «С новым годом! (Новогодняя сказка вместо фельетона)» (заголовок сказки в «Сибирской газете») Волховский создавал образ Сибири в виде прекрасной женщины, которую осаждают легионы нечисти. Публицист вводил два идеологических пласта – с одной стороны, областнический, демонстрируя осадное, колониальное положение региона по отношению к центральной части России, с другой – ключевой для собственного творчества мотив борьбы с социальным злом. Иван Брут, в отличие от Хомя, понимая, что нечисти не хватает лишь одной единицы для того, чтобы перейти в новый год в полном составе, выхватывал нож и прислонялся к дереву, показывая свою решимость.

В полной версии сказки, опубликованной в сборнике, Волховский описывал «искушение» Брута, который перенесся из зимнего леса на бал. Нечисть превращалась в людей, тем самым раскрывалась ее истинная сущность: «Лапы волчих приобретали абрис прелестнейших дамских ручек, облитых свежими длинными перчатками. Нетопыри, сложив за спиною крылья, превращали их в безукоризненнейшие фраки» (Волховский, 1913, с. 13). Стоит отметить, что в образах нечисти легко угадываются «кондраты», чиновники, гласные, уголовные ссыльные из фельетонного творчества публициста. На балу Брут встретил прекрасную девушку, но для счастья ему необходимо было «отречься от своих убеждений».

Волховский вводит аллгорию на существующее общество, показывает скрытую от глаз реальность, где лишь единицы владеют благами, а фундамент их сытой жизни построен на страдании других. В итоге Брут не поддавался соблазну и очутился в преисподней, где слышал плач своего ребенка, видел фигуры ведьм, слышал голоса измученных людей. Выкрикивая злу, что он его не боится, он смог найти нож и вновь оказаться в зимнем лесу. Таким образом, Волховский демонстрировал, как нечисть стремится совладать с одним человеком, бросая на это почти все свои силы. Сказка во многом была для публициста подведением итогов столетнего периода с тюремными сроками; позже Волховский неоднократно вспоминал, как чуть не сошел с ума за годы одиночного заключения в Петропавловской крепости, в тюрьме он узнал о гибели жены и ребенка.

Сказка «Ночь на новый год», опубликованная в «Сибирской газете» (СГ. 1884. № 1), вошла в состав сборника без каких-либо изменений. В областническом издании сказки были обрамлением фельетонного цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах», опубликованного под псевдонимом «Иван Брут», в котором объектами сатиры становились гласные думы, чиновники, школьные учителя, полицейские чины. Стоит отметить, что «опоясывающая» функция сохранилась и в сборнике «Ракеты»: «На грани лет», подчеркивающая необходимость борьбы со злом, открывала ансамбль, а сказка «Ночь на новый год», призывающая к началу изменений с конкретного человека, становилась своеобразным эпилогом.

Сюжет сказки выстраивается вокруг «типичного сибиряка» Егора Попова, ожидавшего перемен от нового года. В итоге каждый раз, когда стрелки били двенадцать раз, вокруг героя происходили определенные события: избиваемый просил о помощи, переселенцы – дешевле продать сруб и корову, инородец – знаний, а артель – уступить прииск. Егор Попов последовательно отказывал в помощи каждому, и на вопрос, придет ли новый год, получил ответ оживших часов: «Новый год, какой ты призывал – с новым счастьем, – много раз приходил к тебе нынче» (СГ. 1884. № 1). В данном «приговоре» публицист обозначал собственную позицию о необходимости поиска себя в «другом», пользе, которую человек может принести обществу и конкретным людям.

Другие произведения сборника представляют собой полноценные памфлеты, которые отражают определенные тезисы. В их основе лежит действие и связанные с ним аллгории. Пять сказок, опубликованные в сборнике, посвящены природе царской власти, а также существующим механизмам закрепощения личности, мотивам борьбы с социальной несправедливостью. Сказка «Королевский тигр» представляет собой сатирическое произведение, отражающее изнаночные, ложные представления о борьбе. Произведение написано после событий Первой русской революции: в образе тигра, в логове которого «даже иному октябристу продохнуть было бы трудно», отражен облик царского режима.

Одним из основных в произведении является комичный, гротескный образ борца за справедливость, либерала, готового только к нерешительным действиям. Шарманщик решил бороться с королевским тигром, освежив в памяти различные трактаты философов и юристов и заказав инструмент с «этими мелодиями». Устав от звуков, тигр настиг Шарманщика и начал грызть ему голову, но выплюнув, порычал тигрице предостерегающим голосом: «Оставь! – Мерзость!..» (Волховский, 1913, с. 31). Несмотря на потерю руки и ноги, Шарманщик вновь отправился к тигру, где его спас проходивший мимо охотник, который застрелил зверя. По мнению автора, такой интуитивный способ борьбы является единственным возможным вариантом изменений. Волховский был представителем партии эсеров, которая активно использовала террор для достижения собственных целей.

В сказке «Сказание о царе немилостивом» публицист обращался к вопросу противоестественности монархической власти, создавая образ царя, зависимого от министров и не способного ни на что повлиять. Из-за злоупотреблений, народ принял решение отправить «ходоков» жаловаться на монарха Богу. Встретив старца, они попросили сделать царем пасечника Ивана Красноперова. Так, «несправедливый» царь Семен потерялся на охоте и, лишившись царской одежды, испытал различные тяготы, а пасечник Красноперов, став правителем, приостановил постройку дворца, отказался купить дорогой подарок, попытался уменьшить подати, землю передать крестьянам, а власть – в руки выборным из разных земель. Всем его решениям активно сопротивляются чиновники, и жизнь в стране становилась только хуже.

Завершалось произведение поимкой «самозванца» – истинного царя Семена и сценой приготовления к казни на площади. Испытав все трудности, он давно отрекся от власти. Несмотря на то, что народ увидел в царе-Красноперове того самого выбранного посланниками справедливого человека, который при этом никак не смог повлиять на их жизнь, они обратились к прежнему царю, чтобы тот правил ими вновь. Завершается сказка исчезновением обоих правителей и призывом искать собственный путь. Произведение представляет собой отражение взглядов публициста, основанных на необходимости власти народа и проявления самостоятельности.

В «Сказке о том, как мужик у всех в долгу остался» Волховский создавал картину закрепощения крестьян. Так как у черта не вышло украсть у Ивана Простого жатву, он озлобился и выдумал последовательно кулака (купца), барина и священника. Волховский в сатирическом, гротескном ключе рисовал привилегированные страты российского общества: «А барин как только на свои ноги стал, так поднял нос кверху и давай нюхать, откуда ржаным хлебом пахнет?» (Волховский, 1913, с. 105). Так как ни у кого не получилось властвовать над мужиком, Баба-яга посоветовала высидивать яйцо, из которого вылупился царь. Сказка представляла собой аллгорию, изображение государственного строя как обслуживающего интересы «кулаков-мироедов».

Аналогичные мотивы можно найти во многих народнических произведениях, в частности в притче С. М. Степняка-Кравчинского «Сказка о копейке» (1870), где черт выдумал попа, купца и барина, которые в дальнейшем отравляли народу жизнь. В сказках Степняка, Л. А. Тихомирова находили отражение объяснение несправедливости и описание ее признаков, авторы фокусировались на агитации. Волховский во многом обращался к традиции народнической агитационной сказки 1870-х гг., не разъясняя положение дел, а высмеивая происходящее. Важное место в творчестве Волховского занимала сатира, сказки в сборнике типологиче-

ски близки к творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина. Реальность в произведениях раскалывается под воздействием мифологических, сказочных образов и гротеска.

Завершают «памфлетную» часть сборника три произведения: «Сказка о солдатской душе», «Сказка о войне» и «Казак Удалая-Голова». Сказки были опубликованы в «Солдатской газете» и в журнале «За народ!» и являются антимилитаристскими. В 1900-е гг. Волховский фокусировался на пропаганде среди военных, считая, что они могут стать одной из основных действующих сил в выступлении против царской власти. Публицист создавал гротескный образ армии, поднимая целый ряд проблем, в частности отсутствие провизии, привилегий у рядовых; командиры изображены автором как продавшие собственные души и пытающиеся украсть их у солдат.

«Сказка о войне» начинается с описания рождения белого и желтого царей от черта и опаршивевшей свиньи. Для своих детей черт украл из божественной обители белого и желтого мужиков: «Белого звали “Никита” и походил он лицом на русского, а желтого звали “Ники-Та” и походил он видом на японца» (Волховский, 1913, с. 148). Публицист описывает процесс создания разных мужиков Богом, отмечая, что творец «душу во всех них вложил одинаковую». Сказка была посвящена Русско-японской войне 1904–1905 гг., которая была негативно воспринята обществом: по логике публициста, мужики жили в мире, а цари, рожденные свиньей, в жадности пытались уместить в утробах соседние государства.

Опубликованные в сборнике «Ракеты» произведения были пронизаны идеологией революционного народничества и содержали активные призывы к сопротивлению действующей власти. Волховский создавал притчевую структуру, персонажей-функционеров, лишенных психологизма. В произведениях, за исключением двух фельетонов-сказок, опубликованных в «Сибирской газете» и не привязанных к конкретным идеологическим тезисам, но отражающих народнические идеалы, редко встречаются описательные фрагменты, основой текста становятся аллегории и аллюзии, их расшифровка читателями.

Таким образом, сказки занимали важное место в творчестве Волховского как в годы сибирской ссылки, так и в период эмиграции. Публицист конструировал художественные образы, которые становились аллюзией на существующий общественно-политический строй с его проблемами, обращаясь к несправедливости и призывая к борьбе с социальным злом. Данные мотивы прослеживались не только в опубликованных в «Сибирской газете» фельетонах-сказках и памфлетах, но и в детских произведениях.

Стоит отметить, что произведения в сборнике «Дюжина сказок», в меньшей степени отвечающие агитационным задачам, были пронизаны традиционной дидактикой. Одной из ключевых тем в сборнике публициста была необходимость воплощения себя через «другого», понимание человека как части общества. Также произведения отличались использованием тропов, введением ярких описательных, статичных фрагментов. Детские сказки были в первую очередь художественными произведениями, отражающими «вечные» установки и ценности. Традиционные фольклорные приемы становились гармоничной частью сказок, не выбивающейся из общей повествовательной канвы. Для сказок публициста характерна фантастическая основа: в них обитают великаны, пляшут кошки, пытаются освободить даму сердца меч, а старички ростом в шесть вершков помогают детям засыпать.

Сказки-памфлеты в сборнике «Ракеты» являются «публицистическими». За счет обращения к контекстуальным изобразительно-выразительным средствам, в пер-

вую очередь к аллюзиям и аллегориям, поднимались различные общественно-политические проблемы, в произведениях легко угадывались образы современного российского общества и конкретные эпизоды из жизни страны. Для отражения собственной позиции Волховский обращался к сатире, которая, контрастируя с фольклорной, сказочной основой, фантастическим содержанием обостряла комизм. Если сказки-притчи народников 1870-х гг. (в частности С. М. Степняка-Кравчинского) часто были лишены сатирических коннотаций, представляя собой сухую декламацию несправедливости, произведения Волховского позволяли продемонстрировать ее абсурдность. Помимо ориентации на творчество писателей-народников, Волховский обращался и к произведениям Н. В. Гоголя и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Именно гротеск в его творчестве становился основой для формирования своеобразного мифа о закреплении народа, служил «раскалыванию» реальности и отражению народнических идей.

Объединенные в сборники сюжеты раскрывали как нравственные установки писателя, так и общественно-политические взгляды, при совмещении которых реконструируется как лейтмотив необходимость поисков правды и справедливости. Детские сказки при этом утверждали общечеловеческие ценности; взрослые – содержали активные призывы к свержению власти. Мозаичная структура ансамблей, их разделение на блоки, вероятно, были связаны с написанием произведений в разные периоды. В основе принципа формирования сборников лежит объединение разнородных произведений, которые, дробясь на блоки, служат раскрытию как самостоятельных тезисов, так и ключевых мотивов. В «Дюжине сказок» можно выделить три блока: произведения о необходимости ориентации на «другого», сказки об утверждении смысла жизни и тексты, посвященные борьбе с несправедливостью. В «Ракетах» памфлеты содержательно можно разделить на отражающие проблемы общественно-политического строя и антимилиитаристские. Важную роль в сборнике для взрослых играют опоясывающие фельетоны-сказки периода сибирской ссылки: «На грани лет» утверждает необходимость борьбы, «Ночь на новый год» призывает к изменениям каждого, «сужает» раскрытые в памфлетах проблемы, отражая их на примере конкретного обывателя. Стоит отметить и определенные переключки между сборниками, сказки для взрослых как бы становились логичным продолжением «Дюжины сказок», переводя заявленные там тезисы на иной уровень. В «детском» сборнике, начинающемся со сказок, утверждающих необходимость ориентации на «другого», автор в завершение призывает к борьбе. В «Ракетах», начиная с такого призыва и демонстрируя несостоятельность режима, Волховский предлагал начинать путь к изменениям с работы над собственной личностью.

Список литературы

Жулякова Н. В. «Сибирская газета», г. Томск, 1881–1888 гг., как явление литературного регионализма: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 237 с.

Жулякова Н. В. Между литературой и журналистикой: фельетоны Ф. В. Волховского в «Сибирской газете» // Американские исследования в Сибири: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Американские идеи и концепции в гуманитарных исследованиях ученых Сибири и преподавании в средней и высшей школе». Томск, 2008. С. 333–345.

Круссер Р. Г. Негласный редактор «Сибирской газеты» // Огни Кузбасса. 1978. № 3. С. 72–79.

Леонова Т. Г. Русская литературная сказка XIX века в ее отношении к народной сказке: Поэтическая система жанра в историческом развитии. Томск, 1982. 197 с.

Мазуров А. Е. Фельетоны Ф. В. Волховского (Ивана Брута) в «Сибирской газете» // Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2. С. 78–89.

Мазуров А. Е. Фельетонное творчество Ф. В. Волховского в контексте развития региональной сибирской периодики: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022. 252 с.

Роцевская Л. П. Поэт вольной печати в сибирской ссылке (к 120-летию со дня рождения Ф. В. Волховского) // Вопросы изучения и преподавания литературы. Тюмень: Изд-во ТюмГПИ, 1966. С. 51–69.

Роцевская Л. П. Ф. В. Волховский – сотрудник «Сибирской газеты» // Вопросы истории и теории литературы. Науч. тр. Тюмен. гос. ун-та. Тюмень, 1975. № 14. С. 84–95.

Сибирская газета в воспоминаниях современников / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. В. Жиликовой; науч. ред. Н. М. Дмитриенко. Томск, 2004. 200 с.

Чернова Е. А. Жанр и композиция «Сказки о копейке» С. М. Степняка-Кравчинского // Жанр и композиция литературного произведения: Межвуз. сб. Петрозаводск, 1978. С. 90–102.

Ямпольский И. Г. К библиографии Ф. В. Волховского // Учен. зап. Ленинград. ун-та. Серия филологических наук. Л., 1971. № 349, вып. 74: Русская литература и народничество. С. 184–190.

Список источников

Волховский Ф. В. Дюжина сказок / Иван Брут. М., 1908. 140 с.

Волховский Ф. В. Ракеты / Иван Брут. Париж, 1913. 184 с.

References

Chernova E. A. Zhanr i kompozitsiya “Skazki o kopeyke” S. M. Stepanyak-Kravchinskogo [Genre and composition of “The Tale of the Kopeyka” by S. M. Stepanyak-Kravchinsky]. In: *Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya: Mezhvuz. sb.* [Genre and composition of literary work: interuniversity collection]. Petrozavodsk, 1978, pp. 90–102.

Krusser R. G. Neglasnyy redaktor “Sibirskoy gazety” [Unofficial editor of the “Sibirskaya gazeta”]. *Ogni Kuzbassa*. 1978, no. 3, pp. 72–79.

Leonova T. G. *Russkaya literaturnaya skazka 19 veka v ee otnoshenii k narodnoy skazke: Poeticheskaya sistema zhanra v istoricheskom razviti* [Russian literary fairy tale of the 19th century in its relation to the folk tale: Poetic system of the genre in historical development]. Tomsk, 1982, 197 p.

Mazurov A. E. *Fel’etonnoe tvorchestvo F. V. Volkhovskogo v kontekste razvitiya regional’noy sibirskoy periodiki* [Feuilleton creativity of F. V. Volkhovsky in the context of the development of regional Siberian periodicals]. Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2022, 252 p.

Mazurov A. E. Fel’etony F. V. Volkhovskogo (Ivana Bruta) v “Sibirskoy gazete” [Feuilletons of F. V. Volkhovsky (Ivan Brut) in the “Sibirskaya gazeta”]. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya* [Plot Description and Analysis]. Novosibirsk, 2020, no. 2, pp. 78–89.

Roshchevskaya L. P. F. V. Volkhovskiy – sotrudnik “Sibirskoy gazety” [F. V. Volkhovsky as the employee of the “Sibirskaya gazeta”]. In: *Voprosy istorii i teorii literatury. Nauch. tr. Tyumen. gos. un-ta.* [Questions of the history and theory of literature. Scientific works of Tyumen State University]. Tyumen, 1975, no. 14, pp. 84–95.

Roshchevskaya L. P. Poet vol'noy pechati v sibirskoy ssylke (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya F. V. Volkhovskogo) [A poet of the free press in Siberian exile (on the 120th anniversary of F. V. Volkhovsky's birth)]. In: *Voprosy izucheniya i prepodavaniya literatury* [Issues of studying and teaching literature]. Tyumen, TyumSPI, 1966, pp. 51–69.

“Sibirskaya gazeta” v vospominaniyakh sovremennikov [“Sibirskaya gazeta” in the memoirs of contemporaries]. N. V. Zhilyakova (Introd., text prep., and comm.), N. M. Dmitrienko (Ed.). Tomsk, 2004, 200 p.

Yampol'skiy I. G. K bibliografii F. V. Volkhovskogo [Towards the bibliography of F. V. Volkhovsky]. In: *Uchen. zap. Leningrad. un-ta. Seriya filologicheskikh nauk* [Scientific notes of Leningrad university. Philological sciences series]. Leningrad, 1971, no. 349, iss. 74: Russkaya literatura i narodnichestvo [Russian literature and populism], pp. 184–190.

Zhilyakova N. V. Mezhdru literaturoy i zhurnalistikoy: fel'etony F. V. Volkhovskogo v “Sibirskoy gazete” [Between literature and journalism: feuilletons by F. V. Volkhovsky in “Sibirskaya gazeta”]. In: *Amerikanskie issledovaniya v Sibiri: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. “Amerikanskie idei i kontseptsii v gumanitarnykh issledovaniyakh uchenykh Sibiri i prepodavanii v sredney i vysshey shkole”* [American studies in Siberia: materials of the All-Russian scientific and practical conference “American ideas and concepts in the humanities research of Siberian scientists and teaching in secondary and higher schools”]. Tomsk, 2008, pp. 333–345.

Zhilyakova N. V. “Sibirskaya Gazeta,” g. Tomsk, 1881–1888 gg., kak yavlenie literaturnogo regionalizma [“Sibirskaya gazeta” (Tomsk, 1881–1888) as a phenomenon of literary regionalism]. Cand. philol. sci. diss. Tomsk, 2002, 237 p.

List of sources

Volkhovskiy F. V. *Dyuzhina skazok* [A dozen fairy tales]. Ivan Brut. Moscow, 1908, 140 p.

Volkhovskiy F. V. *Rakety* [Rockets]. Ivan Brut. Paris, 1913, 184 p.

Информация об авторе

Александр Евгеньевич Мазуров, научный сотрудник учебной лаборатории редакционно-издательского дела факультета журналистики Томского государственного университета (Томск, Россия)

Information about the author

Alexandr E. Mazurov, Researcher, Educational Laboratory of the Editorial and Publishing Business, Faculty of Journalism, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 24.01.2025;
одобрена после рецензирования 07.04.2025; принята к публикации 07.04.2025
The article was submitted on 24.01.2025;
approved after reviewing on 07.04.2025; accepted for publication on 07.04.2025*